

НАСЛЕДНИК

СОБАКИ БАСКЕРВИЛЛЕЙ

Валерий Тусев

ЭКСМО

Валерий Борисович Гусев
Наследник собаки Баскервилей
Серия «Дети Шерлока
Холмса», книга 16

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163321
Наследник собаки Баскервилей: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-02517-0

Аннотация

Не позавидуешь маленькому Феде Зайцеву: какие-то чужие дядьки выгнали его из дома, родители мальчугана исчезли без следа, и остался бедный Федя один-одинешенек. И кто знает, как сложилась бы его судьба, не повстречайся ему братья-сыщики Дима и Алешка, которых хлебом не корми, дай только восстановить справедливость и вывести злоумышленников на чистую воду. Итак, состав преступления налицо, но где мотивы? Кому мог приглянуться неказистый домишко семьи Зайцевых? «А что, если в доме запрятаны сокровища?» – выдвигают версию ребята и неожиданно-негаданно получают письмо... от Шерлока Холмса...

Содержание

Глава I	4
Глава II	16
Глава III	26
Глава IV	37
Глава V	48
Глава VI	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Валерий Гусев

Наследник собаки

Баскервильей

Глава I

Шерлок Холмс и Доктор Ватсон

Золотая осень. Бабье лето. «Унылая пора, очей очарованье». Наверное, под влиянием этих погодных факторов наш Алешка опять размечтался.

И вся наша дружная семья замерла в напряженном ожидании. Потому что, когда мой младший брат начинает мечтать, он на этом не останавливается. Сначала тихо мечтает, потом о чем-то глубоко задумывается, затем что-то замышляет и, наконец, начинает действовать. С неукротимой энергией, как мама говорит. И увлекает всех нас во всякие неожиданности, приключения и опасности.

На этот раз он вел себя не совсем обычно. Ну, помечтал, как всегда, за завтраком, машинально проглотил, не поморщившись, тарелку овсянки; опрокинул солонку, уронил ложку на пол. А потом тихо и задумчиво отправился в комнату.

– Это все ты! – упрекнула наша мама нашего папу, соби-

рая в солонку соль. – Со своими рассказами.

– Что? – спросил папа из-за своей газеты. – Какими рассказами?

– Про своего любимого Шерлока Холмса. Задурил ребенка голову. А у него и так «двоек» больше, чем «троек».

– Ну и что? – хмыкнул папа. – Ему еще семь лет учиться. Успеет исправить.

– Или новых нахватать! – Мама начала сердито складывать посуду в мойку. – Я в его возрасте вообще без «троек» училась! И даже без «четверок».

– На одни «двойки»? – притворно ужаснулся папа. – Если бы я знал об этом, никогда бы на тебе не женился. Какая ты скрытная, оказывается. Да еще и двоечница!

– К твоему сведению – я была отличницей! – Мама решительно уперла руки в боки. – А в твоём аттестате...

Папа взглянул на часы и тоже решительно перебил маму, сложив газету:

– Ну, мне на работу пора.

Он всегда в трудную жизненную минуту удирает на свою работу, в свой любимый Интерпол. Папа вообще на работе бывает неизмеримо больше, чем дома. Так мама говорит.

– А ты куда? – Она схватила меня за рукав и кивнула на мойку, полную грязной посуды. – Ну-ка, быстренько помоги своей любимой бедной мамочке, ей в магазин пора.

Она в магазин ходит, как папа на работу.

И вот так всегда: папа – на работу, мама – в магазин, Але-

шенька размечтался, а Дима – посуду мой!

Я открыл горячую воду, выдавил на губку остатки волшебного «Фейри», но у меня было огромное желание потихоньку, попросту, без всяких фокусов и долгих раздумий, сложить грязные чашки и тарелки в мусорное ведро. С каким удовольствием я вынес бы его на помойку! С каким грохотом и звоном я вывалил бы это ведро в мусорный контейнер!..

Мечтать не вредно, иногда говорит мама. Знала бы она, о чем я иногда мечтаю!

Однако за ненавистным мытьем посуды я размышлял о том, что, в общем-то, мама где-то права. Мечтать не вредно. Иногда даже полезно. Сколько примеров знает история нашей планеты, когда какой-нибудь невзрачный ребенок вдруг возмечтает так сильно и неудержимо, что к старости достигнет в области своих мечтаний вершин человеческого разума и духа.

Вот, например, наш папа, который с детства обожает Шерлока Холмса. И я подозреваю, что свою профессию милиционера он выбрал под влиянием великого и обаятельного английского сыщика. И достиг на этом славном поприще значительных успехов. Недаром ведь в папином кабинете в Министерстве внутренних дел, над его рабочим столом, висит большой портрет легендарного мистера Холмса в шапочке, похожей на бейсболку, с трубкой в зубах, с задумчивым лицом и проницательным взором. Видимо, думал я, папину

любовь унаследовал и его младший сын. И тоже станет великим сыщиком. Если не передумает. С ним это уже бывало. Несколько раз. Раз, наверное, сто. Или даже больше.

Зато старший его сын унаследовал мамину нелюбовь к мытью посуды. И, возможно, на всю жизнь сохранит стойкую ненависть к моющим средствам.

А наши поклонники Шерлока Холмса нередко тихими уютными вечерами усаживались на тахту в папиной комнате и всерьез обсуждали все детали и тонкости его подвигов, дружно, со знанием дела восхищаясь его талантом.

Папа очень многое знал о Шерлоке Холмсе и его создателе – английском писателе Конан Дойле. И очень интересно рассказывал об истории каждого дела, которое расследовали два знаменитых друга.

– А вам, например, известно, – спросил он однажды тихим уютным вечером, – что в туманном Лондоне, на Бейкер-стрит, сохранился дом, в котором жил Шерлок Холмс? И откуда он отправлялся со своим другом доктором Ватсоном навстречу очередным приключениям?

– А кто там теперь живет? – живо спросил Алешка. – Ихние дети, что ли?

Папа улыбнулся.

– Там никто не живет, – ответил он, раскуривая трубку. Даже в этом он хотел походить на своего любимого героя и учителя. – Там теперь музей. Музей великого сыщика.

Алешка аж подпрыгнул:

– И чего там, в музее?

– Много чего. – Папа мечтательно прищурил глаза, и его лицо затуманилось облачком табачного дыма. Мечтательно так затуманилось. – Во-первых, там прекрасная библиотека. В ней собраны со всего мира все записки о приключениях Шерлока Холмса, на всех языках. В ней собраны все научные труды о нем, даже энциклопедический словарь, посвященный его жизни и деятельности. В музее много его портретов, созданных разными художниками. Портреты родных и близких Холмса. И даже бережно сохраняется та самая восковая фигура, с помощью которой он обманул полковника Мора-на...

– С дыркой от пули?

– А как же! И это страшное духовое ружье стоит возле камина. А на отдельной полке, Алексей, стоят великие научные труды Холмса. По философии, по психиатрии, по химии, по истории. – Папа со значением посмотрел на Алешку.

– Да понял, понял, – закивал тот. – Он хорошо учился в школе. Не отвлекайся.

– И не случайно, – продолжил папа, – одной из криминалистических лабораторий, кажется, в городе Лионе, присвоено имя создателя образа Шерлока Холмса. За большой вклад в науку. Но самое главное – в музее есть личные вещи Холмса.

– Да ну! – заворуженно выдохнул Алешка. – И его револьвер?

– И револьвер. И лупа в медной оправе. И его знаменитая трубка. И жестяной свечной фонарь. И его скрипка. И тот самый хлыст, которым, помнишь, он расправился с «пестрой лентой»? И многое другое.

– Посмотреть бы, – безнадежно помечтал Алешка. – Потрогать хоть разок. Или два...

– И кроме того, – продолжил папа, – там целое хранилище писем...

– Шерлока Холмса? – обрадовался Алешка, почти не сомневаясь, что Шерлок Холмс – вполне реальная личность, а не выдуманный Конан Дойлем литературный персонаж. – Вот бы почитать.

– Это не его письма, – сказал папа. – Это ему письма.

– От доктора Ватсона?

– Нет, от обычных людей. Шерлоку Холмсу до сих пор пишут письма люди, которые почитают его талант и верят, что великий сыщик будет вечно стоять на страже справедливости.

Наивные – ну прямо как наш Алешка.

– А что они ему пишут?

– В основном выражают свое восхищение. Но нередко сообщают о всяких загадочных происшествиях и нераскрытых преступлениях и просят помочь в их раскрытии... Рот закрой, Алексей, ангину схватишь. В музее целая группа сотрудников отвечает на эти письма от имени Шерлока Холмса.

– А преступления? Раскрывают?

– Случается, – улынулся папа. – В некоторых случаях полицейские из Скотленд-Ярда принимают меры к расследованию.

Не думал я тогда, что вот-вот на нашем пути встретится загадочное происшествие и что наш наивный хитрец Алешка тоже обратится за помощью к Шерлоку Холмсу. И самое главное – он эту помощь получит. Вернее – подсказку. А уж само дело мы доведем до конца своими силами. Преодолев неимоверные трудности и опасности. Как Ш. Холмс и д-р Ватсон.

– Вообще, – папа стал раскладывать на столе бумаги, собираясь поработать перед сном, – настоящие криминалисты до сих пор пользуются опытом Шерлока Холмса. Многие его исследования легли в основу современной криминалистики. Помнишь его рассуждения о всякого вида табачном пепле, о классификации и фиксации различных следов?.. О логике, связывающей разные события?

– Детективный метод, – понимающе кивнул Алешка.

– Дедуктивный, – поправил его папа. – Это разные вещи. Детектив – это сыщик, следователь. А дедукция – форма мышления, связывающая в логическую цепочку различные события и факты. Вот, например, – папа чуть заметно улыбнулся, – вчера мама похвалилась мне, что ты вызвался сбегать в прачечную, сходил за хлебом и даже вытер пыль на телевизоре. Так?

Алешка заерзал на тахте, притворно зевнул и сказал:

– Да знаю я эту логику, не маленький. Вообще нам спать пора, а тебе – работать. Да, Дим?

Но папа был неумолим:

– Можно, конечно, подумать, что ты решил помочь маме, а если рассуждать логически, то из этих твоих действий следует только одно...

Алешка вздохнул и сознался:

– Даже три.

– Три «двойки»?! – ужаснулся папа. – В один день?!!

– Две несправедливые, а одна не «двойка», а...

– Запись в дневнике, – продолжил за него папа.

И тут они пустились в такие научные дебри о логическом мышлении, что мне тоже пришлось напомнить папе, что он собирался поработать. По правде говоря, я стал опасаться, как бы они не добрались и до моих логических проблем.

После этого разговора Алешка почему-то стал задумчив и рассеян. Размечтался, словом. И явно замыслил что-то подозрительное. Иногда я даже заставлял его за письменным столом, когда он что-то с большим трудом писал в тетради, помогая себе высунутым языком и прикрывая текст, когда я входил, левой ладошкой. Я даже заподозрил, что он сочиняет собственный рассказ наподобие «Записок о Шерлоке Холмсе». Причем на английском языке. На котором он знал всего два-три слова. Да и то – не очень приличных. И, оказывается, настойчиво стал расширять свой лексикон.

Я узнал об этом случайно. От нашей англичанки Татьяны Семеновны. Как-то на переменке она делала мне очередной педагогический втык за «постыдное невнимание» к языку Шекспира и Конан Дойля. Я делал внимательные и виноватые глаза, переминался с ноги на ногу, изо всех сил кивал и изо всех сил давил внутри себя отчаянные зевки, не давая им выбраться наружу.

– Стыдись, Дима, – наконец-то завершила свою нотацию англичанка. – Даже твой младший брат понимает все значение английского языка для современного человека.

То-то я их частенько видел вместе на переменках.

Я тут же поймал Алешку и строго спросил:

– В Англию собрался? Багаж знаний пополняешь?

Он широко и лживо распахнул свои громадные глаза и невинно захлопал длинными ресницами:

– Что ты, Дим! Она мне просто нравится. У нее такие локоны!

Ну это, положим, правда. Локоны у Татьяны действительно красивые. Как у Валентины Ивановны, физкультурницы, только настоящие. А все остальное, похоже, вранье...

А увлечение Шерлоком Холмсом не только продолжалось, но и развивалось. Алешка без конца перечитывал записки доктора Ватсона, крутил по виду прекраснейший фильм «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона». Выменял у кого-то на что-то старую лупу с медным ободком и деревянной ручкой. Достал где-то карту Лондона и часами

сидел над ней, бормоча задумчивым голосом: «Паддингтонский вокзал. Скотленд-Ярд. Бейкер-стрит...»

В его тетрадках появились рисунки худого орлиного профиля, под носом которого торчала большая изогнутая трубка, изрыгающая клубы дыма, как старинный пароход.

А доктор Ватсон у него получался кругленький, добродушный и глуповатый. Алешка рисовал его почему-то в очках, в белой шапочке с крестиком и в белом халате; из одного кармана торчала какая-то дудочка, а из другого – рукоятка револьвера.

Как я ему ни доказывал, что в старой доброй Англии, да еще в позапрошлом веке, врачи не носили белых халатов, – рисунок упорно появлялся в одном и том же варианте. Даже Любаша, Алешкина учительница, сказала как-то маме:

– Я очень довольна Алешей. Он стал гораздо спокойнее на уроках. И внимательнее. А то, что он уже в этом возрасте выбрал себе такую благородную, такую нужную людям и такую низкооплачиваемую профессию, – делает ему честь.

– Какую профессию? – удивилась мама.

Любаша посмотрела на нее укоризненно и, наверное, подумала про себя: «Надо же, до такой степени не знать своего любимого ребенка». И она сказала:

– Ваш Алеша хочет стать врачом. Он все время рисует очаровательного доктора, а рядом с ним изможденного пациента-курильщика.

– Это не тот доктор, – вздохнула мама.

– Надо же! – Любаша всплеснула руками в еще большем восторге. – Значит, он хочет стать не человеческим врачом, а ветеринаром. Это еще благоднее!

И оплачивается гораздо лучше, добавил бы я. Вот в соседнем доме живет такой ветеринар. Он уже четвертую машину за год поменял, да все круче и круче.

– Это не тот доктор, – снова вздохнула мама и укоризненно посмотрела на Любашу. И, наверное, подумала: «Надо же, до такой степени не знать своего любимого ученика».

Но мама, конечно, не рассказала Любаше об Алешкиной мечте. О том, что он, кажется, собирается в Англию, а «оттуда, как он говорит, в Лондон», где находится улица Бейкер-стрит, а на ней старинный дом, где сидит вечерами у камина великий Шерлок Холмс с трубкой в зубах, со скрипкой в одной руке и с кочергой в другой.

– ...Но вот что меня беспокоит, – продолжала Любаша, – как у Алеши со зрением?

– А что такое? – по-настоящему забеспокоилась мама.

– Он стал часто пользоваться увеличительным стеклом. Когда ему надо что-то разглядеть, он достает такое, знаете, круглое увеличительное стекло на палочке...

– Это лупа, – успокоила ее мама. Но не стала говорить, что Алешка даже овсянку рассматривает под увеличением. А сама, наверное, подумала: что скажет Любаша, когда Алешка обзаведется «армейским» револьвером или хлыстом с тяжелым набалдашником.

Мама все-таки в глубине своей доброй души надеялась, что и это Алешкино увлечение, как и все прежние, безболезненно и бесследно уйдет в прошлое. Хотя, с другой стороны, с папой ведь такого не случилось. Напротив...

В общем, не знаю, как в будущем, но в настоящем таинственная тень благородного сыщика Шерлока Холмса, с его кочергой и скрипкой, помогла нам предотвратить опасное и тяжкое преступление, а заодно и восстановить справедливость и наказать безжалостных, нечестных и алчных людей. В полном соответствии с логикой, дедукцией и принципами великого «отшельника с Бейкер-стрит» (Лондон, Великобритания).

Глава II

Дедукция на рынке

Время шло. И многое менялось. Развивалось по своим, иногда простым и ясным, а чаще всего – непостижимым законам.

От внешнего подражания великому сыщику Алешка пришел к подражанию по существу.

Он стал развивать в себе сначала внимательность, наблюдательность и «замечательность», а потом логическое мышление с переходом к «дедуктивным методам познания истины».

И, надо сказать, ему это удавалось. Как, впрочем, и все другое, чем он увлекался. Я даже думаю, что при его настойчивости, если бы он взялся за создание вечного двигателя, ему это, несомненно, удалось бы. Часа за два максимум. И он совершил бы переворот в науке и технике и посрамил бы великих ученых. Я даже как-то спросил его в шутку, когда он строил самолет без крыльев (или машину без колес):

- Брось эту ерунду. Создай лучше вечный двигатель.
- Нельзя, – спокойно ответил Алешка.
- А ты постарайся, – съехидничал я.
- Да чего тут стараться, – отмахнулся Алешка. – Пара пустяков. – И веско добавил, как дураку: – Нельзя, Дим, это не

значит – невозможно. Нельзя в том смысле... Ну, как тебе сказать... Если я его сделаю, человечество погибнет!

Ни фиги себе, замашечки на гениальность! Скромности у него – на троих хватит. И я легонько щелкнул его по носу. Чтобы не зазнавался раньше времени.

Алешка потер пальцем кончик носа и снисходительно пояснил:

– Если я сляпаю вечный двигатель, людям нечего будет делать. Они перестанут работать и опять превратятся в обезьян. Это логично?

Так вот, внимательность и наблюдательность по методу Шерлока Холмса Алешка развивал так успешно, что я уже решил переехать к нашей бабушке, за город. Целый день только и слышишь:

– Дим, сколько ступенек в нашем подъезде? Эх ты! Девяносто шесть! А что на дверях шестой квартиры написано? Какой пуговицы у тети Клавы на халате не хватает? Эх ты! Все ты видишь и ничего не замечаешь!

Ну да, конечно! Делать мне больше нечего, как ступеньки в подъезде считать, когда лифт не работает. Или читать все, что у нас на стенах понаписано. А у тети Клавы, нашего дворника, по-моему, на халате вообще ни одной пуговицы нет, все оборваны.

Но, впрочем, надо честно сказать: Лешкина наблюдательность и умение делать выводы себя оправдали.

Дело было так. Мы шли по нашему рынку. Вообще-то ры-

нок нам ни к чему. Но за ним, на дальнем пустыре находилась заброшенная свалка со всяким хламом. Алешка частенько там копался и собирал всякие железяки для своих изобретений. Сейчас он ходил туда, как в школу, каждый день, на несколько часов. Пытался там, среди разного железного барахла, отыскать хоть какой-нибудь завалященький револьвер. Какой же он Шерлок Холмс без револьвера?

Сколько раз я ему доказывал, что даже в наше время револьверы на свалках не валяются!

– Уж если там пушки есть, – упорствовал он, – то уж револьверчик наверняка куда-нибудь завалился. Это логично?

Тут он был, в общем-то, прав. Когда-то в самом деле мы обнаружили на свалке несколько настоящих артиллерийских орудий. Правда, все они были без замков и прицелов. И все они были разрезаны на куски.

Вот Алешка и таскал меня на свалку. В качестве подсобной рабочей силы.

– Дим! – визжал он. – Вон туда он наверняка завалился. Сверни-ка в сторонку эту трубу. Сдвинь-ка газовую плиту. Да не туда! А холодильник опрокинь. Ничего ты не умеешь!

– Я тебе не бульдозер! – возмущался я время от времени. – И не подъемный кран. – Но терпеливо выполнял его указания. Потому что было интересно. Всегда мы на этой свалке находили что-нибудь неожиданное. И тащили домой. А потом, по маминой команде, на помойку. Правда, один раз мы свою находку принесли не домой, а в милицию. Мы опроки-

нули какой-то холодильник, дверца его распахнулась, и оттуда, из его нутра, вывалились всякие протухшие продукты. Мы отскочили в сторону и поскорее зажали носы. А Лешка вдруг углядел, что в разбившемся стакане что-то ярко сверкнуло. Это был большой старинный перстень. Весь из себя золотой и с каким-то резным камнем в зубчиках вроде орлиных когтей.

– Волшебный! – заорал Алешка. Схватил кольцо, надел на палец, стал вертеть его и заклинять всякую тарабарщину. (Он одно время увлекался то ли Толкиеном, то ли Гарри Поттером.)

Перстень его не послушался. Алешка вздохнул:

– Придется в милицию отдать. Или маме подарим?

Но мы не так были воспитаны, чтобы дарить любимой маме чужие вещи. Особенно со свалки.

И отнесли находку в милицию. И чуть не пожалели об этом. Нас продержали там несколько часов в разных комнатах. И какой-то суетливый майор все время нас расспрашивал, каждого по отдельности: где мы нашли этот перстень? Как нашли? Когда? При каких обстоятельствах? Задаст мне эти вопросы, запишет ответы и бежит в соседний кабинет, к Алешке. И ему те же самые вопросы задает. А потом начинает злорадно сличать наши ответы.

– Так... – ехидно и многозначительно говорил майор, будто уличал в преступлении матерых рецидивистов. – Так... А вот тут в ваших показаниях имеются существенные раз-

ногласия. Вы утверждаете, что обнаружили этот перстень в стакане с прокисшим молоком! А ваш брат – что в холодильнике! Как это понять? Поясните!

– Но стакан-то был в холодильнике, – устало «пояснял» я.

– А ваш брат утверждает, что на земле!

Наконец ему самому это надоело, и он стал упрекать нас за то, что мы «шляемся по помойкам», и стал угрожать, что сообщит о нашем недостойном поведении в школу и родителям, чтобы они приняли надлежащие меры.

Тут уже Алешка не выдержал и сказал, что он сам сообщит родителям, прямо отцу на работу. А уж он-то примет такие надлежащие меры, что мало не покажется. Алешка, правда, не уточнил – кому мало не покажется: нам или майору, который вел дотошный допрос.

Майор ехидно ухмыльнулся и придвинул к Алешке телефон. Знал бы он, чем это для него кончится!

Алешка набрал папин служебный номер и важно сказал:

– Здесь Алексей Оболенский. Полковника Оболенского попрошу к аппарату.

– Здорово, Алеха! – ответил ему папин сотрудник, тоже полковник. – Сергей Александрович в местной командировке. Что у тебя за проблемы?

Алешка коротко, но красочно обрисовал наши проблемы. Голос папиного сотрудника сразу изменился. Из дружелюбного стал железным:

– Ну-ка, Алексей, передай ему трубочку.

Майор уже начал что-то соображать, но трубку взял со снисходительной усмешкой. Которая быстро сменилась виноватой и растерянной улыбкой. Он выслушал все, что ему сказали (что уж ему сказали – можно догадаться!), осторожно положил трубку и посмотрел на нас с мягкой укоризной:

– Что ж вы, ребята, сразу не сказали, а? Подставили меня.

– Не так воспитаны! – сурово отрезал Алешка.

– Хорошо воспитаны! – похвалил нас майор. – Честными гражданами. Спасибо за ваш поступок! Вы свободны!

– А отпечатки брать не будете? – отомстил Алешка.

Майор мелко посмеялся и вытер вспотевший лоб...

– Нет, – тяжело вздохнул Алешка, когда мы выбрались на свободу. – Нет, это не Шерлок Холмс.

Впрочем, я отвлекся. Идем мы, значит, со свалки по рынку. И вдруг Алешка хватает меня за рукав, показывает глазами на какого-то парня в красивой куртке и шепчет мне в ухо тоном настоящего Шерлока Холмса:

– Дим, этот человек только что совершил преступление!

– С чего ты взял? – Я даже глазами захолопал.

– Смотри, как он идет! Будто вот-вот бежать бросится. Он как спортсмен на старте.

В голосе Алешки прозвучало явное пренебрежение – он не любил спорт. И не скрывал этого. Даже от Валентины Ивановны, нашей физкультурницы. Она-то сама очень любит свою физкультуру. И считает ее самым главным предметом в школе. И в жизни. И чтобы нам эту любовь привить,

все время обосновывает ее всякими примерами.

— Вот опаздываете вы на поезд, — горячо и мечтательно говорит она. — Тренированный человек как помчится!..

— Как обгонит... — ворчит Алешка.

— Или вам предстоит, — к счастью, не слыша его, продолжает свою агитацию Валентина Ивановна, — перепрыгнуть через бездонную пропасть, чтобы спасти товарища. Тренированный человек...

— Уж сорвется — так сорвется... — ворчит Алешка.

А однажды он даже вступил в открытую дискуссию и философски обосновал свою жизненную позицию:

— Ну что мы все бегаем да прыгаем? Какая разница — опоздаю я на поезд на десять или на пять минут. Или недопрыгну через пропасть на метр или на два?

Тем самым наш мелкий философ окончательно испортил отношения с преподавателем физкультуры.

...Но я опять отвлекся.

— ...А самое главное, Дим... — Тут Алешка сорвался с места и, не договорив, шмыгнул в сторону. Оказывается — углядел нашего знакомого участкового.

Этот участковый был очень хороший милиционер. Правда, еще молодой и не очень опытный. И он частенько заходил к нам домой. Или на нас с Алешкой пожаловаться, или с папой посоветоваться по трудным вопросам службы. И папа ему всегда помогал. Как старший товарищ. Ну и мы тоже не раз помогали. Как младшие товарищи.

Алешка что-то горячо нашептал участковому, тот кивнул, поискал глазами подозрительного парня, догнал его и положил ему руку на плечо:

– Извините, гражданин. Предъявите, пожалуйста, ваши документы.

Парень вздрогнул, обернулся и ответил осторожной улыбкой:

– Да я вроде ничего не нарушил...

– Простая проверка, – настоял участковый. – Не беспокойтесь.

Парень сунул руку в один карман куртки, в другой... И только из третьего достал паспорт и какую-то тоненькую книжечку.

Участковый раскрыл паспорт.

– Так, – проговорил участковый, глядя в документ, – гражданин Веселовский? Игорь Александрович?

– Веселовский, – как-то не очень уверенно подтвердил парень. И более решительно: – Игорь Александрович.

– Странно, – нахмурился участковый. – А по паспорту вы – Ивановский Андрей Петрович. Придется пройти проверку в отделении милиции. Прошу вас. – И он положил его документы в карман.

А парень вдруг, нагнув голову, стремительно рванулся в щель между палатками. Но не очень удачно – навстречу ему оттуда как раз вышел другой парень, вернее, молодой дядька – в разбитых очках на носу, с фингалом на скуле и с какой-то

замызганной курткой в руке.

Они столкнулись. И могли бы уже разбежаться по своим делам, но дядька с фингалом вдруг вцепился в него и закричал:

– Вот он! Грабитель! Милиция!

А милиция в этот раз – тут как тут.

Участковый ловко вывернул жулику руки, и не успели мы и глазом моргнуть – как на нем уже щелкнули наручники.

– Я, извините, – возбужденно заговорил дядька в разбитых очках, – отошел за палатки, по... ну по личному делу. А тут подходит этот амбал и говорит так нагло: «Хорошая у тебя курточка, командир. Мне нравится». – «Мне самому нравится», – отвечаю. А он: «Давай меняться!» Сбил меня с ног, сорвал куртку, надел, а мне бросил свою. Гад поганый!

«Гад поганый» стоял, понутив голову, и озирался. Участковый по рации вызвал патрульную машину и, когда усадил в нее задержанного, подошел к нам. Мне он пожал руку, а Алешку потрепал по голове и похвалил:

– Молодец! Шерлок Холмс!

Потом Алешка мне рассказал, почему этот парень вызвал у него подозрения. Я бы ни за что не догадался. И внимания на это не обратил бы. А оказалось все так просто! Как у Шерлока Холмса.

– Он, Дим, – небрежно объяснял Алешка, – он закурил и стал совать зажигалку в карман. И никак в него не попадет. Непривычно ему. Я сначала подумал: ну и что? Купил чело-

век новую куртку и еще не привык к ее карманам. А потом смотрю – куртка хоть и красивая, но уже ношенная. Значит, чужая. Но тогда я еще подумал: может, ему кто-нибудь поносить дал. Или сфотографироваться. Но он очень странно себя вел: все время оглядывался, а когда закуривал – глазами по сторонам шастал. Вот я и догадался, что он эту куртку с кого-то сграбил.

Все просто. И верно. Но вот я почему-то, даже когда этот парень шарил по карманам в поисках документов, не насторожился. Не увидел в этом ничего подозрительного или необычного. А ведь всякий нормальный человек по всем своим карманам документы не ищет – он всегда знает, где они у него лежат. Значит, он еще с этой курткой освоиться не успел. И карманы даже не проверил – что там и где лежит.

А Лешка все просек.

Да, все очень просто. Но вот в той загадочной и страшной истории, о которой я хочу рассказать, все было очень непросто. И если бы не Шерлок Холмс (и не Алешка!), на знаю, разгадали бы мы ее... Смогли бы, как говорил великий сыщик, пролить луч света на это мрачное пятно...

Глава III

Была у зайца избушка...

Началась эта леденящая кровь история скучным-прескучным осенним днем...

Домой идти не хотелось. Папа – опять в командировке, мама – опять на работе. Лешка предложил сходить в парк – там начали строить какой-то забавный детский городок. Весь из себя сказочный.

– Ну там избушка Бабы Яги со ступой, – вздохнул начал соблазнять меня Алешка. – Ну там печка, в которой от всяких гусей-лебедей прячутся всякие дети. Деревянный Серый Волк в кустах скачет. Три поросенка в шляпах поют...

– Постой, – перебил я. – А ты откуда знаешь?

– А я уже там был.

– Когда?

– Вместо физкультуры. Меня освободили от урока...

Понятно. Освободили. Выгнали, значит.

– За что?

Алешка нахмурился, сделал грустное лицо.

– Да я упал, – признался он. – Залез на канат и с него упал.

– Ушибся?

– Я-то нет.

– А кто?

– Валентина Ивановна.

– ?

– Да я, понимаешь, Дим, на нее упал.

Так, все ясно. Нашел на кого падать. Я молча протянул руку.

Алешка посопел, пошарил в сумке и отдал мне измятую записку.

«Уважаемые родители Алексея Оболенского! Прошу Вас срочно зайти в школу по поводу безобразного поведения Вашего сына, нанесшего психологическую травму преподавателю физкультуры».

– Что еще за травма? – нахмурился я.

– Да понимаешь, Дим... Я когда на нее падал... У нее прическа с головы слетела...

Хорошо, что не голова. Но и такое не прощается. Тем более – Валентиной Ивановной. Она к тому же у нас старейший педагог. Вообще-то они почти все у нас старейшие. Новейшие к нам в школу не идут. А если приходят, то долго не выдерживают. Особенно они не любят, когда им на головы ученики третьего класса падают. И парики сшибают.

– Что будем делать? – спросил Алешка.

– А ничего! – Я махнул рукой. – Папа – в командировке, мама – на работе...

– Записку я потерял, – подхватил Алешка. – Пошли в парк.

В парке мы болтались долго – даже сумерки уже появи-

лись. Тишина настала. Только листья под ногами шуршали. А иногда слышалось, как с дубов падают на них тяжелые спелые желуди – звонко так, хрустко.

Набрали мы зачем-то полные карманы желудей, осмотрели все деревянные чудеса. Нам они понравились. Жаль только, что все это очень скоро население нашего микрорайона, как обычно, разломает на мелкие дребезги. А кое-что симпатичное и не очень крупное утащит на свои дачи, чтобы украсить их ежиками с яблоками на колючках и гномиками с фонариками. Заодно и поющими поросятами в шляпах.

– Тут надо охрану ставить, – сказал я с сожалением.

– Вон, – показал Алешка, – один охранник уже сидит.

Возле симпатичного домика, спереди у которого было написано резными буквами «Избушка лубяная № 2», сидел на скамейке, сгорбившись, такой одинокий мальчуган, что нам даже жалко его стало.

Когда мы подошли к нему, он поднял голову и безразлично взглянул на нас. Лешка остановился и спросил:

– Чего ты тут сидишь, как бездомный?

– А я и есть бездомный, – ответил мальчуган. – Меня из дома выгнали.

– Кто? Родители?

– Нет. Чужие люди.

– А родители где?

– Не знаю. Они куда-то пропали. Я пришел домой, а там чужие дядьки. Они меня прогнали.

Ни фиги себе! Ну точно как в сказке про лису и зайца. «У лисы была избушка ледяная, а у зайца – лубяная... Вот лиса его и выгнала».

Но нам тогда и в голову не пришло, какая это жестокая и загадочная история. И что нам с Алешкой придется в этой истории разбираться. Разгадывать тайны и наказывать зло. С риском для жизни...

Мальчугана звали Федя Зайцев. Он гостил у своей любимой бабушки, а когда вернулся в родной дом, на пороге его встретили незнакомые дядьки и сказали:

– Иди отсюда! Ты больше здесь не живешь!

Федя растерялся и испугался.

– Позовите маму, – попросил он.

– И мама твоя больше здесь не живет. И папа твой тоже. Убирайся! – И дверь захлопнулась перед его носом.

– А где же ты ночевал? – с участием спросил Алешка.

– А вот в этой избушке. – Федя показал на «лубяное» сооружение. – Только там страшно ночью. В парке собаки воют. Какие-то люди кричат... И холодно.

– Что же ты к бабушке не вернулся?

– А я не знаю, где она живет. Город еще могу вспомнить, а адрес – нет.

– А фамилия бабушки?

– Анастасия Петровна.

Да, очень точные сведения.

– В милицию ходил?

– Я боюсь. Они меня сразу в детский дом отправят. Тогда меня родители вообще не найдут, – и он мужественно хлюпнул носом.

А в парке уже совсем стемнело и похолодало. И где-то в его глубине и впрямь завывала голодная бродячая собака. Представить, что этот малыш будет здесь ночевать, скорчившись на голом холодном полу лубяной избушки, было невозможно.

– Пошли домой! – решительно сказал Алешка и взял Федю Зайцева за руку. – Поживешь у нас. А потом вернется наш папа и живо разыщет твоих родителей. И вышибет из твоего дома захватчиков. Он знаешь у нас какой? Настоящий полковник. Шерлок Холмс!

Мама была уже дома и готовила ужин.

– Это что за сокровище? – спросила она.

– Это Федя Зайцев, – деловито ответил Алешка. – У нас будет жить. Где раскладушка?

Мама на всякий случай выглянула за дверь, на лестничную площадку – нет ли там еще одного Феди или еще двух Зайцевых?

А Лешка емко и коротко прояснил ситуацию:

– Он бездомный сирота. Временно.

– Какой ужас! – Мама прижала ладони к щекам. – Бедный малыш! Пошли скорее ужинать.

За столом она с удовольствием смотрела, как наворачивает «бедный малыш», и все время подкладывала ему добав-

ки. Федя Зайцев, конечно, был очень голодный и ел очень азартно, но без жадности, аккуратно и, отодвинув тарелку, вежливо сказал:

– Спасибо. Все было очень вкусно.

Чем и покори́л материнское сердце нашей мамы.

– Из хорошего дома мальчик, – заметила она вполголоса. – Воспитанный. – И с намеком посмотрела на нас.

Мы постелили воспитанному Феде в нашей комнате, и он мгновенно уснул. Но во сне иногда тоненько поскуливал, как маленький обиженный щенок. Или зайчонок. Которого лиса из дома выгнала.

Лисовский был хороший мастер, но очень плохой человек. Он приходил на помощь людям в трудную минуту: когда у них засорялась канализация, или хлестала горячая вода из проржавевшей трубы, или через край раковины бурлила холодная из непослушного крана. Он ставил на залитый пол свой чемоданчик с инструментами и сразу же заявлял, сколько баксов он возьмет за устранение неисправности. Если жильцы возмущались и отказывались, Лисовский брал свой чемоданчик и спокойно уходил, оставляя людей в беде.

На него жаловались, один раз даже побили, но слесарей в ЖЭКе не хватало, и Лисовский оставался на своем рабочем месте, вымогая у несчастных жильцов деньги. Все больше и больше.

Дело в том, что Лисовский, при всей своей практичности,

был в глубине своей серой души человек романтический. Мечтатель такой... незаурядный.

Он мечтал накопить много денег и уехать в старую добрую Англию, купить там старинный замок на скалистом морском берегу и вечерами сидеть под шум прибоя у камина, ворошить в нем кочережской жарко рдеющие угли и листать страницы детективных романов.

Но ни накопить денег на замок, ни просто переехать в Англию у него не было шансов – там и без Лисовского хватало алчных сантехников. Итогда он выбрал более сложный, но, как ему казалось, более надежный путь. Он решил отправить в Англию свою дочь Лору. Она будет там учиться в колледже, выйдет замуж за лорда, станет богатой леди и купит папе старинный замок с камином на скалистом морском побережье. Где он вволю полистает страницы увлекательных детективных романов.

Лисовский очень любил детективы. Но не так, как их любят нормальные люди. Нормальных людей увлекает в детективах загадка, они восхищаются умом иотвагой бравого сыщика, удовлетворяют чувство справедливости. Нет, Лисовский читал детективы по-своему. Вкаждом из них он отмечал про себя (и даже отчеркивал на полях книги) ошибки преступников, анализировал их и мечтал совершить крупное и доходное преступление, но самому при этом остаться безнаказанным.

А пока он добывал деньги наглым шантажом бедных

жильцов, у которых выходила из повиновения ненадежная сантехника и их квартиры заливало холодной или горячей водой. Либо еще кое-чем похуже.

Чаще всего Лисовский читал о приключениях Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Он справедливо полагал, что учиться надо у великих людей. Ина ошибок незаурядных преступников.

И вот однажды Лисовского вызвали устранить аварию водопровода в ювелирном магазине «Топаз». Здание было старое, трубы в нем проржавели, и ему пришлось довольно долго повозиться в подвале. Правда, и заплатили ему неплохо. Но главной оплатой он посчитал одно небольшое открытие, сделанное во время работы. Вернее, открытий было два. Первое – очень приятное. Когда Лисовский увидел в витринах торгового зала ценники на всякие браслеты, колъе и медальоны, у него волосы стали дыбом от радости. Он понял, что все эти «безделушки» дороже всяких денег.

Второе открытие – заманчивое, наводящее на размышления. Оказалось, что из подвала можно довольно легко проникнуть в торговый зал, не затронув сигнализации и не разбудив охранника, который по ночам спал в небольшой камерке возле входной двери магазина.

Лисовский сперва задумался, а потом начал действовать. Изначала произвел разведку – зачастил в «Топаз» под предлогом профилактики его ржавых канализационных и водопроводных труб. Он не один раз пробирался грязным

тоннелем, прикидывая, соображая, и как специалист оценил возможности, которые открывало ему вонючее подполье, протянувшееся через все Поречье прямо к подвалу под «Топазом». Но понял Лисовский и то, что одному с этим сложным делом ему не справиться. Ион стал искать сообщников.

Утром мама позвонила на работу папиному сослуживцу Олегу Ивановичу.

– Сережа в командировке, – сказала она, – а мне нужна помощь.

– Слушаю вас, – сказал Олег Иванович.

И мама рассказала ему печальную историю Феди Зайцева.

– А где этот дом? – спросил Олег Иванович, внимательно выслушав маму. – Адрес назовите.

– Небольшой такой дом. Деревянный. Где-то в районе Поречья.

– Какой точный адрес, – усмехнулся Олег Иванович. – Но я, кажется, знаю это место. Разберемся, не волнуйтесь. Сейчас я направлю туда своих ребят, и они все выяснят на месте.

Когда мы вернулись из школы, Олег Иванович уже был у нас.

Он о чем-то поговорил с Федей, а потом пошел с мамой на кухню пить чай. Ну а мы с Алешкой, конечно, стали подслушивать.

Сначала ничего интересного не слышалось, только всякие «вам покрепче?», «да, пожалуйста», «спасибо, достаточно»

и звяканье ложечки о стакан. А потом Олег Иванович задумчиво сказал:

– Странная история. Очень странная. Мои ребята все проверили. Этот небольшой старый дом в Поречье принадлежит на самых законных основаниях гражданину Кислову. Он купил его у граждан Зайцевых.

– А граждане Зайцевы? – спросила мама.

– Отбыли в неизвестном направлении.

– Бросив пятилетнего ребенка, да?

– Я и говорю: очень странная история. Мы смогли выйти на Федину бабушку, она живет в Курске, сделали осторожный запрос, чтобы ее не встревожить...

– И что же?

– К ней родители Феди не приезжали. И о том, что они собирались продавать дом, она ни разу не слышала.

– Мистика, – сказала мама. – Еще чаю?

– Нет, спасибо, мне пора. Но вы не волнуйтесь. Мы этим делом займемся. А мальчика можно пока устроить в детский дом.

– Вот уж ни к чему, – сказала мама. – Ребенок и так натерпелся горя. Пусть живет у нас. С моими разбойниками. Он такой воспитанный. И будет на них хорошо влиять.

Проводив Олега Ивановича, мама покормила нас обедом и уложила Федю спать. На этот раз он спал спокойно, не поскуливал и даже иногда улыбался во сне.

Когда мы остались одни, Алешка встал посреди комнаты,

сложил руки на груди, насупил брови и сказал торжественно:

– Ну вот, Дим, наконец-то у меня появилась цель в жизни.

– Какая? – без всякого интереса спросил я. У Алешки каждый день какая-нибудь новая цель в жизни появляется.

– Я этих негодяев, которые выгоняют маленьких детей из их собственного родного дома, всей душой ненавижу. Я их разыщу и так достану, что им больше никогда жить не захочется!

Вообще-то я Алешкино возмущение полностью разделял. Особенно когда смотрел на этого Федю. Спит ребенок, улыбается. А когда проснется, сразу вспомнит про свои беды и про своих пропавших любимых родителей. А чем он виноват?

– С чего начнем? – просто спросил я Алешку.

Глава IV

Паддингтонский вокзал

– Наши первые шаги? – деловито спросил Алешка, одеваясь.

– А я знаю? – искренне признался я. И съехидничал: – У своего Шерлока Холмса спроси.

– Неплохая идея, сэр, – неожиданно согласился Алешка. – Мистер Холмс всегда начинал свои расследования с того, что...

– Садился в кеб, – шутливо подхватил я, – и отправлялся с доктором Ватсоном на Паддингтонский вокзал.

– Молодец, сэр, – похвалил меня Алешка. – Едем обыскивать это самое Поречье. Мы его там все перевернем.

В этом я не сомневался.

И мы поехали на вокзал. Где встретили и преодолели первое препятствие. В виде нехватки средств. Оказалось, что денег у нас – только на один билет. Тем более что там установили эти дурацкие турникеты.

– Бери себе билет, – уверенно сказал Алешка, – и жди меня.

Я так и сделал – когда Алешка начинает командовать, его даже мама слушается. И побаивается.

Я прошел через турникет, и тут у меня за спиной раздался

такой звонкий и отчаянный Алешкин вопль: «Мамочка!» – что я обернулся и забегал глазами по толпе пассажиров, в самом деле надеясь увидеть нашу мамочку.

А Лешка уверенно продолжал драматический спектакль одного актера. Талантливый, несомненно.

Он метался вдоль турникетов, воздымал руки и отчаянно блеял, как заблудившийся барашек, призывая свою каракулевою мамочку.

Мне стало интересно. Тем более что в спектакле появились и другие действующие лица.

Сначала к Алешке подошла и встревоженно склонилась к нему решительная тетя с сумкой на колесиках:

– Что случилось, мальчик?

Алешка едва не рыдал (от смеха):

– Моя мамочка... Вон она... А я здесь... Я заблужусь теперь...

– Как ее зовут? – с готовностью отозвалась тетя.

– Миссис Хадсон, – брякнул Алешка.

– Как? – удивилась тетя с сумкой на колесиках.

– То есть... Елена Ивановна.

– Елена Ивановна! – трубно взревела тетя. – Вы забыли своего ребенка!

И тут все пассажиры стали хором орать:

– Елена Ивановна! Ленка! Вы забыли своего ребенка!

Наконец Елена Ивановна откликнулась. Вернее, Елены Ивановны. Их было сразу четыре. Все они вернулись, подбе-

жали к турникету и затараторили:

– Бедный мальчик!

– Что случилось?

– Это не мой ребенок!

– И не мой!

Алешка включился в этот хор, едва не плача:

– Это не мои мамы! Моя мама красивая! Моя мама – вон она – в синем плаще!

Четыре Елены Ивановны обиделись, что они не красивые, и ушли на платформу. А тетя с сумкой затрубила, как большой пароход в тумане:

– Елена Ивановна в синем плаще! Вас ждет сын... Как тебя зовут? Как? Алекс?

– Громче кричите, – посоветовал Алешка. – Она глухая. – И добавил машинально: – Как пень.

Тут добрая тетя наконец догадалась, что от нее нужно, и сказала:

– Держи мой билет и догоняй свою маму, пока она не села в поезд.

– Благодарю вас, мэ. – Растроганный Алешка утер слезу, скользнувшую по его румяной щеке. – Оставьте мне свою визитную карточку – я вышлю вам деньги телеграфом.

И, безмерно благодарный, помчался догонять свою «маленькую Елену Ивановну». В синем плаще. Глухую как пень.

– Какие у нас отзывчивые люди, – хихикнул он, когда мы уселись в вагоне, у окошка. – Сердечные.

– Зато мамы бессердечные, – хихикнул я. – Бросают детей то направо, то налево.

Мы еще сколько-то похихикали и едва не проскочили свою остановку. Неразборчивый голос в динамике прохрипел:

– Ста... Отрадное... След... становка... форма «Поречье»... осторожно... закрываются. Поехали, Вася!

Это самое Поречье оказалось небольшим кусочком деревни, окруженным со всех сторон наступающей окраиной города. Там было всего несколько старых деревянных домов среди новых, каменных и высоких. Ну и, конечно, среди всяких коттеджей, которые громоздились друг на друга.

Найти дом Феди Зайцева нам удалось без труда. В первой же избе, куда мы постучались, маленькая старушка в телогрейке, придерживая за длинный рог бодливую козу и то и дело прикладывая к уху сухую ладошку, сообщила нам:

– Кто, говорите, ась? Зайцевы? Так они тут не живут. Ась? Съехали. Дом продали и съехали. Чегой-то? Надысь. Ась? Где жили? А вона домок, кривой такой, на самом отшибе, с трубой набок. Видите? Ну и ладно. Бежите скорей отсель. А то Зинка моя вырвется! Сильно пожалеете.

«Домок» Зайцевых – и это первая загадка – оказался совсем неказистым. Кривой на один бок, крыша набекрень, печная труба набок, а крыльцо закрипело под нашими ногами давно прогнившими досками.

За домом разинула пасть заплывшая глиной глубокая

траншея. И стоял щелястый сарайчик с дровами. Кому такой дом мог понадобиться, чтобы выгнать из него целую семью? Кругом вон сколько домов, даже многоквартирных. Выбери, выгоняй, живи! Если ты такой крутой, в натуре. Правда, возле дома Зайцевых стояла вполне приличная «ракушка», сияя свежим железом. И радуя глаз огромными замками.

– А чего мы скажем? – спросил я Алешку, когда мы потоптались на крыльце кособокой лубяной избушки.

– Чего-нибудь, – уверенно и очень убедительно ответил он.

Мы скромно постучали в дверь. Потом еще скромнее. Потом ногами. И уже решили уходить, но наконец дверь осторожно раскрылась, и на пороге появился худосочный человек в оранжевом прорезиненном комбинезоне.

– Чего приперлись? – вежливо спросил он, почему-то с опаской поглядывая по сторонам.

– Мы за Федей пришли, – так же вежливо ответил Алешка. – Анна-Ванна нас послала узнать – почему он в детский сад не ходит?

– А я знаю? – Худосочный человек начал настойчиво закрывать дверь. – У его мамки спросите.

– Позовите ее, пожалуйста.

– Нет ее тут, не живет.

Алешка растерянно (артист!) посмотрел на меня и сказал грустно:

– Надо в милицию идти: пропал мальчик. Вместе с мамой.

Человек в комбинезоне вдруг сразу изменился, стал добрым и приветливым.

– Зачем в милицию, дружище? Я вам все расскажу и без милиции. Зайцевы этот дом продали и отседова съехали. В незнакомом направлении. К своей бабушке, в Курский город. А малец ихний уже давно там проживает. Под крылом у бабушки. Все хоккей? – И он захлопнул дверь перед нашими любопытными носами.

– Вот это хоккей, – прошептал Алешка, когда мы пошли к платформе.

– Да, – согласился я. – Вот это загадка. И главное – зачем этому дядьке такая развалюха?

– Главное не в этом, Дим, – задумчиво сказал Алешка. – Главное – почему он так плохо пахнет?

– Кто? – не понял я. – Дом?

– Дядька.

Вообще-то я его не нюхал. Но Алешка опять прав. Я вспомнил, что во время нашего разговора тоже чувствовал какой-то неприятный тухлый запах. С собой мы его принести не могли. Значит, пахло либо от дома, либо от этого дядьки.

Загадочка! И если бы она была одна!

– Ничего, – уверенно сдвинул брови Алешка. – Мы прольем луч света на это мрачное пятно...

Деньги на обратную дорогу мы добыли довольно просто. У нас оставалась еще какая-то мелочь, Алешка зашел в пер-

вый попавшийся киоск с игральными автоматами и «наиграл» денег на билеты. Не знаю, почему он не желает сделать этот метод источником постоянного дохода для всей нашей семьи?

– Слушай, везунчик, – засмеялся я, пересчитывая на ладони его добычу, – а чего ты сразу на такси не наиграл, а? Слабо?

– Да неудобно, Дим, – признался Алешка. – Нечестно. Я ведь все сразу угадываю. Хочешь, угадаю, в какой руке у тебя зонтик?

Правильно – ни в какой!

Витя Кислый к своим тридцати годам все еще так и не разбогател. Хотя ему очень этого хотелось. Парень он был не очень умный, но хитрый, предприимчивый, на всякую пакость догадливый. Но ему почему-то всегда не везло в самый последний момент.

Вот и в этом деле тоже. Кто-то предложил Вите купить по дешевке целую фуру мороженных куриных окорочков. Витя прикинул – за сколько он их купит и за сколько продаст – и ахнул от восторга! Такие деньги ему даже не снились. Он уговорил одного своего приятеля дать ему необходимую сумму в долг, расплатился за окорочка и приготовил огромный мешок для денег.

Но тут опять вмешалось «Но!». Да такое, что Витя еле ноги унес. Окорочка оказались тухлые. Деньги пропали, а приятель все настойчивее требовал вернуть долг.

Приуныл Витя, стал подумывать, куда бы подальше удрать. Да, на его счастье, другой его приятель – сантехник Лисовский – сообщил ему очень большой секрет. Ивыходило по этому секрету, что Витя Кислый, провернув одно дельце, сможет набить деньгами не мешок, а два. Ине рублями, а долларами.

И дельце-то пустяковое. Всего-то и нужно – чего-то покопать, где-то посверлить и слинять с денежками.

И Витя, конечно, с радостью и надеждой принял предложение Лисовского...

Дома все обошлось без расспросов: где вы шлялись, как в школе, почему грязные руки? Потому что папа вернулся из командировки и за вечерним чаем долго и нудно рассказывал нам о далеком городе, в котором он провел три незабываемых дня. Конечно, про свои криминальные интерполовские дела он не сказал ни слова, зато о городских достопримечательностях разливался, как весенний соловей на даче.

– Я и Биг-Бен видел, – хвалился он. – И в Тауэре побывал, и в Скотленд-Ярде... И Нью-Гейтскую тюрьму посетил...

При этих словах Алешка, занятый своими мыслями и потому слушавший папу с обидным невниманием, насторожил ушки.

– Так ты где был-то? – стал допытываться он. – В Лондоне, что ли?

– Ну! – гордо ответил папа. – В самом сердце старой доброй Англии!

– А ты заходил на Бейкер-стрит? Передал привет мистеру Холмсу?

Папа виновато пожал плечами:

– Знаешь... Не успел. Столько дел было.

– Ну да, – буркнул Алешка. – Тауэры всякие. Биги-Бены. – И решительно добавил: – Ладно уж, сам поеду.

– Куда? – спросила мама, сосредоточенно разделяя яичницу на непривычные еще пять частей.

– В Лондон, – спокойно сообщил Алешка. – К Холмсу. Мне надо.

– Ладно, – так же спокойно согласилась мама. – После ужина. Когда умоешься. И Федю с собой возьмешь.

– Курский тоже хороший город, – вдруг вспомнил Федор. – Там бабушка живет.

– Мал он еще, – буркнул Алешка, – по границам ездить. И по-английски не говорит... Пап, а зачем одни люди отбирают у других людей ихние квартиры?

– Газеты надо читать, – посоветовал папа. – Помнишь, сколько информации Холмс получал из газет? – И процитировал: – «Печать – настоящее сокровище для сыщика, если уметь ею пользоваться».

– Понял, – сказал Алешка. – Где там у нас вечерний выпуск «Таймс» завалился? – И пошел в папин кабинет, где на журнальном столике всегда лежала газетная стопа.

– А Лондон? – спросила мама вслед.

– Успею, – отмахнулся Алешка. – Не уйдет от меня ваш

Лондон.

Весь оставшийся вечер мы не видели и не слышали его. Мама уложила Федьку спать, я помыл посуду, папа раз десять успел поговорить по телефону со своими сотрудниками про Биг-Бен и Тауэр... А Лешка все шелестел газетами. И что-то недовольно бормотал.

Глубокой ночью он без лишних слов сдернул с меня одеяло и зашептал:

– Дим! Я все газеты прочитал. Такая там ерунда!

– Ты для этого меня разбудил? – сквозь сон разозлился я. – Подумаешь, новость!

– Стыдно спать!..

Вот это действительно новость!

– Стыдно спать, когда страдает ребенок!

– А чего ты страдаешь? – Я отвернулся к стене и натянул на себя одеяло.

– Вон тот ребенок! – Алешка показал на Федьку, который деловито сопел носом и совсем не был похож на страдальца.

– Пап! – заорал я. – Уйми Алешку! Спать не дает.

У папы в кабинете горел свет, он работал. И он тут же вошел в нашу комнату.

– В чем дело, злодеи? – сердито спросил папа. – Чего орете? Маму разбудите.

– Алешка спать не дает, – наябедничал я.

– Алексей! – Папа повернулся к нему и замолчал. И укоризненно взглянул на меня.

Алешка – на правом боку, ладошки под щекой – крепко-крепко спал. И снилось ему что-то хорошее – он чуть-чуть улыбался во сне.

Папа фыркнул на меня и прошептал сердито:

– Тебе что-то дурное приснилось, Дима, – и ушел к себе, хлопнув дверью.

Алешка, не открывая глаз, показал мне язык.

Я плюхнулся в постель, но сон уже не шел ко мне. Я вертелся с боку на бок, переворачивал подушку, считал слонов и баранов – напрасно! Этот вредина Алешка добился своего.

– Ну! – не выдержал я. – Рассказывай.

Алешка промолчал. Цену набивает, понял я.

– Леха, – строго потребовал я. – Быстренько рассказывай – и спать!

Он опять – ни звука, вредина. Я спустил ноги на пол, взглянул на него... На этот раз он и в самом деле крепко и безмятежно спал. Чуть-чуть улыбаясь во сне...

Глава V

Версии

Проснулся он раньше меня и умотал в школу. У них в этот день был «нулевой» урок – физкультура. Это значит, что целый час они будут бегать, задыхаясь и спотыкаясь, по парку, а Валентина Ивановна в своем роскошном парике, на котором лежит спортивная шапочка с перышком, будет сидеть на бревнышке с секундомером в руках:

– Бебчик, подтягивайся, подтягивайся! Не укладываешься в контрольное время! Круглова, дыши носом, «двойка» тебе обеспечена!

Но за Лешку я был спокоен. Он уже давно нашел прекрасный выход. Где-то на полпути дистанции он сворачивал в глубь парка, прятался на время в лубяной избушке, где неплохо проводил время с плеером, а потом, вдвое сократив путь и точно выбрав момент, выскакивал на беговую тропинку. И пробегал мимо Валентины Ивановны на подгибающихся «от усталости» ногах, хватая воздух широко раскрытым ртом.

Валентина Ивановна при виде Алешки на всякий случай придерживала парик и сквозь зубы хвалила его:

– Молодец, Оболенский! Хорошо идешь. Носом – вдох! Носом – вдох! Что ты рот разинул? Выдох – ротом! Ротом

выдох!

Однако на этот раз Алешка здорово перестарался: выскочил из своей засады, немного не рассчитав время. И когда он пробежал мимо Валентины Ивановны, она, взглянув на секундомер, чуть не свалилась с бревнышка:

– Норма мастера спорта! Оболенский, стой! Давай пульс! – Она взяла Алешку за кисть, и глаза ее полезли на лоб, под кудряшки парика: – Поразительно! Пошлем тебя на городские соревнования. Будешь защищать спортивную честь нашей школы и станешь ее гордостью.

Потом Алешка мне объяснил, почему он так бездарно прокололся. И приобрел сомнительную честь и гордость. Дело в том, что в этот раз он не балдел под музыку, а продолжал анализировать информацию, почерпнутую им накануне из наших газет. И мгновенно сделал вывод. И мгновенно помчался искать меня. Чтобы поделиться своей находкой и новыми, в связи с этим, планами.

– Понимаешь, Дим, все оказалось очень простенько. Зачем у людей отбирают их жилье? Во-первых, чтобы его потом подороже продать. Это нам не подходит...

Действительно, эта кривобокая развалюха стоит недорого. Не больше старой маминой мясорубки.

– Во-вторых, Дим, если кто-то узнал, что в этом доме спрятан клад, всякие сокровища. Хозяевам, конечно, не сказал, заплатил им какую-нибудь мелочь, и – пожалуйста тебе – куча денег. Это логично?

Это логично. Только что-то не очень в это верится.

– Подозрение мое крепнет, Дим! Знаешь почему? Потому что в дом нас этот дядька не пустил – раз! И пахло от него тухлой сыростью – два!

Ну пахло и пахло. Мало ли от кого чем пахнет? Это во-все не значит, что пахучий человек клад ищет. Чтоб сокровища искать, необязательно вонять тухлой сыростью. Хотя как знать...

– Он под полом роется! – чувствуя мое недоверие, поднапер Алешка. – Это надо проверить.

– А как? – охладил его я. – Он нас на порог не пустил. А в подпол – тем более не пустит.

– Я придумаю, – успокоил меня Алешка. – Это элементарно, Ватсон. – Он помолчал, задумавшись: – А третье знаешь что?

Да нам и первых двух хватит!

– Третье, это когда какая-нибудь богатая фирма захочет строить себе шикарный офис...

Как раз домище Зайцевых им подходит – я не сдержал улыбки.

– Сначала дослушай, потом досмеешься. – Это прозвучало с угрозой. – И вот, например, ты узнаешь об этом. И бегом к Зайцевым. Так, мол, и так, продайте мне ваш милый домик. Очень он мне нравится. А я вам столько денег отвалю, что вы купите себе квартиру в самом центре города с видом на «Макдоналдс». Они, конечно, рады до потолка...

– Как это – до потолка?

– Ну скажут до потолка от радости. Не перебивай. Ты этот домик покупаешь и спокойненько ждешь себе. И вот подъезжает к твоей развалюхе шикарный белоснежный лайнер... То есть линкор.

– «Линкольн», – усмехнулся я.

– Выходит из него фирмач в белом костюме и говорит: «Сэр, наш фирма имеет строить сам себе маленький хаус, йес?» – «Стройте на здоровье, сэр», – отвечаешь ты и поворачиваешься к нему... этой... спиной. А он хватает тебя за руку и падает перед тобой на колени... Ну, это все ясно. Мой дом стоит на земле, где он хочет строить свой хаус. И тут я начинаю выламываться: «Что вы, сэр, это мое родовое гнездо, здесь бредят... то есть бродят тени моих предков – ни за что!» Тогда он достает из кармана чемодан денег, – подхватил Алешка, – и ты, очень нехотя, соглашаешься. Это логично?

Это логично. Особенно – чемодан из кармана. И более того – понятно, что эти версии Алешка, не задумываясь, щедро доверит отработать мне. И про клад в вонючем погребе, и про строительство «маленький хаус», и про перепродажу лубяной избушки. Вот фиг ему!

– А ребенок? – печально спросил Алешка, угадав мои черные мысли. – Бедный одинокий мальчик, которого выгнали на улицу... У тебя есть совесть? Или жалость?

– Не знаю, – буркнул я. – У меня есть «двойки» по физике

и химии. И еще будут, если ты не остановишься.

– Тебе кого больше жалко – чужого несчастного ребенка или твоих несчастных «двоек»?

Во завернул! Аргумент.

Что ответить, я не нашелся, меня звонок выручил.

А дома, после школы, меня выручил, избавил то есть от Алешкиных приставаний, еще один звонок – телефонный. Позвонил какой-то очень вежливый дядечка, назвался Андреем Петровичем и попросил к аппарату Алексея или Диму. Я взял трубку.

Оказалось, что это тот самый дядька, у которого парень отобрал на рынке куртку. Он начал благодарить нас изо всех сил, заставил записать все свои телефоны и сказал:

– Если, братцы, у вас возникнут какие-нибудь проблемы, вспомните обо мне. Я помогу вам. Как брат брату.

– Вы крутой, да? – вмешался Алешка, который подслушивал наш разговор по параллельному телефону в папином кабинете. – Братан?

– Какой братан? – изумился Андрей Петрович. – Чей братан? Я служу в районной администрации Поречья.

– Вот вы-то нам и нужны! – взвизгнул Алешка.

Андрей Петрович, похоже, испугался. И очень пожалел о том, что позвонил нам. Он долго молчал, а потом как-то неуверенно отозвался:

– Что ж, приезжайте, я приму вас. В шестом кабинете на втором этаже. Всего доброго, бра... братаны.

– Ты соображаешь? – заорал я на сияющего как медный самовар Алешку. – Что ты людей пугаешь? Да еще и так напуганных.

– Спокойно, сэр. Вы очень недальновидны.

Туповат, стало быть, перевел я его фразу на нормальный язык.

– И потому, – спокойно продолжил Алешка, – я не требую от вас извинений.

Он внимательно посмотрел мне в глаза, будто хотел натолкнуть на какую-то простую мысль.

Тактичный у меня братишка – хочет, чтобы я сам догадался.

И я, кажется, догадался... Но вслух свою догадку не высказал. Не хотелось возможной ошибкой окончательно ронять авторитет старшего брата. Поэтому я только молча кивнул.

Дальше день тянулся до вечера довольно скучно: уроки, посуда, болтовня...

А вечером папа усадил перед собой Федю Зайцева и стал его дотошно расспрашивать, чтобы начать розыск его потерявшихся родителей.

– Так, – сказал папа добродушным голосом, – фамилию твоих родителей мы знаем. А как их зовут?

– Папа и мама, – с готовностью ответил Федя и вежливо встал.

Папа хмыкнул, мы хихикнули.

– Ну, хорошо, – продолжил он. – А вот когда мама с тобой ласково и весело разговаривает, как она тебя называет?

– Зайчонок.

– А когда строго? Или когда на тебя сердится?

– «Федор Михалыч, – нахмурившись, произнес мальчуган, – пожалуйста в угол».

– Ну вот, – удовлетворенно сказал папа, записывая в блокнот. – Теперь мы знаем, что твоего папу зовут Михаилом.

– Мишей, – поправил Федя. – Папа Миша Иванович.

– Еще лучше, – улыбнулся папа. – А мама? Оля, Вера, Надя?

Федя пожал плечами. И сказал:

– Нет!

– Ладно, – смирился папа. – Твоя бабушка как твою маму называет?

– Доченька, светик, радость моя.

Папа из трех выбрал одно – самое подходящее:

– Значит, твою маму зовут Светланой?

Федя опять пожал плечами и ответил:

– А может – Солнышко.

Рассудительный мальчик.

– Ты соседей ваших знаешь? – не отчаивался папа.

Федя кивнул, вгрызаясь в яблоко, которое положила перед ним наша добрая мама.

– Тетя Люба, баба Надя, деда Коля.

– Тетя Люба как маму называет?

– По-разному.

– Как это?

– То Ирккой, то Иришкой. То соседкой.

– Понятно. А баба Надя?

– Дочкой.

– А деда Коля?

– Ираидой Павловной.

– Молодец! – похвалил его папа и взялся за телефон. –

Олег Иванович? Записывай и объявляй в розыск. Да, Зайцевы. Михаил Иванович и Ираида Павловна. Возраст ориентировочно, – он оглядел Федю, – двадцать пять – тридцать лет. – А дальше он стал быстро задавать Феде вопросы и быстро передавать его ответы Олегу Ивановичу: – Какие волосы у мамы?

– Длинные.

– А цвет какой?

– Курчавый.

– Глаза какие?

– Голубоглазые.

– У папы на лице что-нибудь есть? Какие-нибудь приметы?

– Много всего, – Федя огляделся – куда бы деть огрызок – и воспитанно сунул его в карман. – Нос, брови, кажется. На носу очки. – И уточнил: – За ушами.

– Уши, значит, тоже есть? – серьезно спросил папа.

– А зубы? – подсказал Алешка.

Папа на него цыкнул, а Федя согласился:

– Ага. Много зубов. Наверное, десять.

Папа вздохнул и попрощался с Олегом Ивановичем. И стал выяснять у Федора, как он оказался в Москве. И почему один.

Выяснилось, что Федя гостил у бабушки. Бабушка приболела и дала телеграмму старшим Зайцам. Мол, встречайте своего младшего Зайца такого-то числа с таким-то поездом в таком-то вагоне. Проводила его на вокзал и попросила соседку по купе присмотреть за малышом и передать его по приезде в руки родителей.

Но, видимо, вмешался в это дело какой-то случай. Или какие-то недобрые люди. Телеграмма Зайцевых не застала, и на вокзал встречать своего любимого Федора они не пришли.

Хорошо еще, что предусмотрительная бабушка сунула Федору в карман записку с адресом. И еще лучше, что попутчица оказалась доброй и обязательной женщиной. Она не бросила Федора, не сдала его в милицию, а проводила почти до дома.

– Спасибо, тетя Света, – вежливо сказал ей Федор, когда увидел свою лубяную избушку. – Теперь я сам дойду.

Тетя Света с ним попрощалась и помчалась обратно в город, потому что ей надо было успеть на другой поезд, на пересадку – она ехала в Киев.

Когда перед носом малыша захлопнулась дверь, он, ко-

нечно, растерялся и заплакал. А потом понял, что слезами горю не поможешь, и сообразил, что нужно вернуться к бабушке.

Ну и немного заблудился. Сошел с электрички раньше, чем следовало.

Ну а что было дальше, я уже рассказывал...

Закончив свои расспросы, папа сказал:

– Ну вот, Федор Михайлович, теперь вся российская милиция будет искать твоих родителей.

– Они найдутся?

– Конечно.

– Завтра вечером через пять минут?

– Через какое-то время, – уклончиво ответил папа. – Потерпи.

– Без них плохо, – вздохнул Федя Зайцев. И как очень воспитанный мальчик добавил: – С вами тоже хорошо. Но со своими родителями все-таки немного лучше.

Мама так умилилась, что изо всех сил обняла Зайцева и повела его умыться. А он так доверчиво и незащитно прижался к ней, что мне стало его жалко. Алешка многозначительно посмотрел на меня. А когда улегся в постель, сказал:

– Если мы разгадаем тайну этого дома, то найдем и Фединых родителей.

– Почему? – удивился я.

– Потому, – веско и очень понятно объяснил Алешка.

Глава VI

«В доме запрятан клад!»

– У тебя сегодня уроков много? – спросил Алешка. – Надо в Поречье ехать.

– Поедем лучше в Лондон.

– Некогда, – отмахнулся Алешка. – Еще успеешь. Два раза.

– А чего мы там будем делать?

– Версии проверять. У этого... ограбленного администратора. Допросим его. Он многое должен знать.

Ехать в Поречье, да еще допрашивать местного начальника, мне очень не хотелось. Тем более что денег на дорогу у нас опять не было.

– Теперь ты маму потеряешь, – распорядился Алешка, не подумав.

Во дает! Картинка еще та – стоит балбес-старшекласник у турникета, утирает кулаком слезы и орет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.